

ЕВГЕНИЙ ЩЁЛОКОВ

ПЕРВЫЙ КОНТАКТ

КОГДА МОЛЧАНИЕ
ВСЕЛЕННОЙ
ПРЕВРАТИЛОСЬ
В ВОЙНУ

ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ ТОЖЕ ОРУЖИЕ

Евгений Щёлоков

Первый контакт

«Автор»

2026

Щёлоков Е.

Первый контакт / Е. Щёлоков — «Автор», 2026

История первого контакта Человечества. История о выборе, который делает для себя каждый, даже если его на самом деле нет.

© Щёлоков Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая.	5
Глава 1.	5
Глава 2.	7
Глава 3.	8
Глава 4.	9
Глава 5.	10
Глава 6.	11
Глава 7.	12
Глава 8.	13
Глава 9.	14
Глава 10.	15
Глава 11.	16
Глава 12.	18
Часть вторая.	19
Глава 1.	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Евгений Щёлоков

Первый контакт

Часть первая.

Глава 1.

Тау Кита была обычной желтой звездой главной последовательности — таких в каталогах Земной Конфедерации насчитывались тысячи, и ничем особенным она не выделялась, если не считать одного факта: на орбите четвертой планеты этой системы висел сейчас корабль класса «Первопроходец» под названием «Надежда», и именно ему предстояло стать первой страницей в истории, которую человечество потом будет писать ещё много десятилетий.

Корабли класса «Первопроходец» строились для одной-единственной цели — уходить туда, куда не добирался еще ни один человеческий разум, и возвращаться с картами, образцами и данными, на которых потом строилась вся стратегия расселения Конфедерации. Это были огромные, неповоротливые исполины длиной почти в четыреста метров, набитые лабораториями, оранжереями замкнутого цикла, ангарами для челноков и достаточным запасом провизии, чтобы автономно продержаться в глубоком космосе не один год. «Надежда» несла экипаж в пятьсот двадцать человек — экипаж, треть которого составляли не военные, а гражданские специалисты: геологи, ботаники, климатологи и один особенно ценный человек, без которого ни одна экспедиция такого рода не имела смысла — старший научный сотрудник, ксенолог доктор Анна Вебер.

Два года «Надежда» шла через безлюдные секторы на самой окраине освоенного человечеством пространства, и вот теперь висела на орбите Тау Кита-4 — планеты земного типа, с атмосферой, в которой приборы фиксировали кислород, и с океанами жидкой воды, покрывавшими почти треть поверхности. По всем меркам это было чудо, ради которого стоило лететь два года без связи с домом.

Капитан 1 ранга Дэвид Ортега стоял на мостике, заложив руки за спину, и смотрел на голубовато-зеленый шар планеты в главном обзорном экране с тем спокойным, чуть усталым удовлетворением, которое появляется у человека, наконец увидевшего цель долгого пути. Ему было сорок два года, из которых почти двадцать он провел либо на палубах кораблей Конфедерации, либо в аудиториях Академии флота, обучая курсантов навигации в системах без готовых карт. «Надежда» была четвертым кораблем под его командованием и первым по-настоящему дальним походом — тем самым, о котором мечтает и одновременно которого боится каждый капитан.

— Доктор Вебер подтверждает первичные данные, — доложил старпом, командер Роберт Хейз, подходя к капитанскому креслу с планшетом в руках. — Атмосфера пригодна для дыхания без фильтрации, хотя концентрация кислорода чуть выше земной нормы. Гравитация — девяносто четыре процента от стандарта. Если посадка подтвердит данные орбитального сканирования, это будет первая по-настоящему колонизируемая планета за всю историю разведки.

— Значит, не зря два года просидели в этой консервной банке, — сказал Ортега, не оборачиваясь.

— Экипаж будет рад это услышать, капитан.

Ортега позволил себе едва заметную улыбку. За два года пути люди устали — не физически, а той особой, тягучей усталостью, которая накапливается от монотонности дней, от отсут-

ствия горизонта, от того, что дом остался в двух годах пути в одну сторону. Находка земледобной планеты была не просто научным успехом. Она была смыслом всего похода, ради которого стоило терпеть эту усталость.

Глава 2.

В своей каюте, перед тем как отправиться на утренний брифинг, Ортега на несколько секунд задержался у рабочего стола, где стояла небольшая голографическая рамка. Изображение внутри было коротким, зацикленным — три секунды, которые он просматривал уже, наверное, тысячу раз за два года: его жена Елена улыбается и посылает воздушный поцелуй, а рядом с ней двое мальчишек машут руками так энергично, будто хотят перепрыгнуть через световые годы и обнять отца.

Старшему, Нилу, было десять. Крепкий, серьезный не по годам мальчик, он в последнем письме перед стартом «Надежды» написал отцу целую страницу о том, как хочет стать пилотом, когда вырастет, и увидеть все планеты, которые откроет папа. Младшему, Норману, было восемь — озорной, вечно с разбитыми коленками, он на прощание просто крепко обнял отца за шею и сказал, что будет ждать, сколько потребуется.

Ортега провел пальцем по краю голограммы, хотя прикосновение, конечно же, ничего не меняло в проекции. Два года. Еще как минимум год до возвращения, если экспедиция подтвердит пригодность планеты и придется задержаться для более детального картографирования. Он не жаловался — сам выбрал эту жизнь, знал, на что идет, когда подписывал контракт на дальний поход. Но иногда, глядя на застывшие в вечном цикле три секунды семейного счастья, он чувствовал в груди что-то тяжелое и тупое, похожее на вину.

— Скоро, — пробормотал он вслух, ни к кому не обращаясь. — Скоро мы найдем вам новый дом, парни.

Он не знал, что произносит это в последний раз.

Глава 3.

На брифинге в кают-компании собралось человек двадцать — командный состав и научная группа. Доктор Анна Вебер, невысокая женщина с седой прядью в темных волосах и энергией, которая совершенно не вязалась с ее возрастом, стояла у голографического стола, на котором вращалась модель Тау Кита-4.

— Если коротко, капитан, — говорила она, водя пальцем по проекции, — перед нами планета, которая по всем параметрам подходит для колонизации лучше, чем девяносто процентов миров, освоенных Конфедерацией за последние полвека. Вода, кислород, умеренный климат в экваториальном поясе. Единственное, что меня смущает, — она нахмурилась, — это полное отсутствие сложных форм жизни на поверхности. Флора есть, простейшие микроорганизмы в океане есть. Фауны — ноль. Как будто что-то очистило планету и оставило только растения.

— Ваша гипотеза? — спросил Ортега.

— У меня их три, и ни одна мне не нравится, — призналась Вебер. — Либо жизнь здесь просто не успела развиваться до многоклеточных форм. Либо было массовое вымирание естественного происхождения. Либо... — она замолчала на секунду, — либо кто-то однажды здесь уже был и что-то сделал с биосферой.

За столом повисла тишина. Слово «предтечи» никто не произнес вслух, но каждый подумал о нем — так уже случалось на нескольких открытых планетах: намеки на древние, погибшие цивилизации, руины, инструменты непонятного назначения. Ни одна из встреченных прежде рас-предшественников не вышла в космос — все они, судя по находкам, угасли на планетарной стадии развития, оставив после себя лишь молчаливые памятники.

— Ладно, — сказал Ортега после паузы. — В любом случае это не отменяет план. Высаживаем разведывательную группу через двенадцать часов. Малый челнок, шесть человек, доктор Вебер возглавляет научную часть, лейтенант Санчес — охранение. Стандартный протокол первого контакта с новой средой: скафандры, карантинный периметр, никаких открытых контактов с местной флорой до анализа токсичности.

— Есть, капитан, — почти хором ответили присутствующие.

Ортега обвел взглядом собравшихся — усталые, но воодушевленные лица людей, которые два года ждали именно этого момента.

— Хорошая работа, — сказал он. — Всем отдыхать. Через двенадцать часов начинаем писать историю.

Он не мог знать, что история, которую они напишут, будет совсем не той, о которой мечтали.

Глава 4.

Сирена тревоги разорвала тишину корабля за три часа до назначенной высадки.

Ортега, разбуженный резким сигналом коммуникатора у изголовья, оказался на мостике меньше чем через минуту — в наспех накинutom кителе поверх форменной футболки, с растрепанными после сна волосами, но полностью собранный внутренне, той собранностью, которая вырабатывается годами службы.

— Доклад! — потребовал он, падая в капитанское кресло.

— Пост дальней разведки засек три объекта на границе сенсорного диапазона, капитан, — доложил дежурный офицер, лейтенант Ким Осей, специалист по дальней связи и сигнатурному анализу. Его голос был напряженным, слегка дрожащим. — Дистанция — три с половиной миллиона километров, приближаются. Сигнатуры двигателей... — он на секунду замялся, — сигнатуры не совпадают ни с одним известным профилем кораблей Земной Конфедерации.

Ортега почувствовал, как по спине пробежал холодок — не страх, а нечто более острое, похожее на то чувство, что испытываешь, стоя на краю обрыва в темноте, зная, что внизу пропасть, но не видя ее дна.

— Уточните, лейтенант. Гражданские суда? Может, старая колониальная техника с нестандартной модификацией двигателей?

— Никак нет, капитан. — Осей повернулся к нему, и на его молодом лице было написано то же самое ощущение исторического момента, какое, наверное, чувствовал сейчас каждый на мостике. — Профиль двигателей полностью чужеродный. Такого не строит ни одна верфь Конфедерации. Это... — он сглотнул, — это не наши корабли, сэр.

На мостике стало очень тихо. Коммандер Хейз, только что вбежавший на мостик и застывающий на ходу последнюю пуговицу кителя, замер у капитанского кресла.

— Дэвид, — тихо сказал он, забыв на секунду про уставное обращение, — это... это оно?

Ортега встал с кресла. За двадцать с лишним лет службы человечество исследовало десятки систем, находило руины десятков погибших цивилизаций, ни одна из которых не поднялась выше индустриальной эпохи прежде, чем угаснуть. Но живого разума, действующей технологической цивилизации — никогда, ни разу, ни малейшего следа. Многие в Конфедерации уже начали думать, что человечество одиноко во вселенной, что предтечи и прочие угасшие народы были случайностью, а не правилом.

— Боевая тревога, — произнес он ровным голосом, который стоил ему немалых усилий. — Всему экипажу занять места по боевому расписанию. Это не учения.

Глава 5.

Пока корабль наполнялся топотом ног и гулом систем, переходящих в боевой режим, Ортега прошел в свою каюту и опустился на колени перед вмонтированным в переборку сейфом. Кодовая панель приняла его отпечаток ладони и голосовую фразу, дверца со щелчком отворилась.

Внутри, среди прочих документов особой важности, лежал плоский конверт из серого термостойкого пластика, запечатанный семью печатями Верховного командования Земной Конфедерации — конверт, который каждый капитан дальнего похода получал перед вылетом с четким инструктажем: вскрыть только в одном случае. В случае обнаружения признаков разумной внеземной жизни.

Ортега вскрыл печати одну за другой, чувствуя, как гулко бьется сердце. Внутри — единственный лист с грифом «Совершенно секретно. Протокол «Первый контакт».

Текст был коротким, написанным сухим языком военных инструкций, но за этой сухостью Ортега читал десятилетия тревожного ожидания, которое испытывало командование Конфедерации, готовясь к моменту, когда человечество узнает что не одиноко.

«В случае обнаружения объектов, чья природа указывает на разумное происхождение внеземного разума: 1) Немедленно предпринять попытку установления радиоконтакта на всех доступных частотах с использованием стандартного протокола первого контакта (математические последовательности, изображения приветственного характера). 2) Избегать любых действий, которые могут быть истолкованы как враждебные. 3) В случае проявления агрессии со стороны неопознанных объектов — любой ценой не допустить попадания корабля, его навигационных данных и технологий в руки противника. При невозможности отступления — уничтожение корабля».

Ортега перечитал последний пункт дважды. Потом сложил лист, сунул в карман кителя и направился обратно на мостик — туда, где решалась судьба не только пятисот двадцати человек экипажа, но, как он это остро осознавал в эту минуту, возможно, судьба всей человеческой расы.

Глава 6.

— Лейтенант Танака, — обратился Ортега к офицеру связи, невысокой сосредоточенной женщине с идеально прямой спиной, — начинайте трансляцию протокола первого контакта. Все доступные частоты, максимальная мощность передатчика.

Юки Танака кивнула и склонилась над консолью. Ее пальцы забегали по сенсорным панелям, выстраивая пакет данных, который человечество разработало полвека назад в надежде, что он никогда не понадобится: последовательность простых чисел, демонстрирующую разумность отправителя; схематичное изображение человеческой руки в жесте приветствия.

— Передача пошла, капитан, — доложила Танака. — Повторяем цикл каждые десять секунд.

На главном экране застыло изображение трех приближающихся отметок — маленьких, едва различимых на фоне звездного поля, но неуклонно растущих по мере сближения.

— Дистанция два миллиона восемьсот тысяч километров, — доложил Осей. — Скорость сближения возрастает. Курс... — он на секунду замолчал, вглядываясь в данные, — курс прямой на нас, капитан. Это не случайное пересечение траекторий. Они идут именно к «Надежде».

Минуты тянулись мучительно медленно. Ответа не было — ни слова, ни малейшего сигнала в ответ на настойчивые попытки Танаки достучаться хоть до какого-то подобия разума на борту приближающихся кораблей.

А потом, за полторы минуты до того, как случилось непоправимое, произошло нечто странное. Танака вдруг подняла голову от консоли, лицо ее выражало смутение.

— Капитан... мы что-то приняли. Не ответ на наш протокол — что-то другое. Очень короткий фрагмент, на частоте, которую мы не использовали в передаче. Звучит как... — она включила звук на общий канал мостика.

Из динамиков раздался странный, короткий пульсирующий звук — не голос, не музыкальный тон, а что-то среднее, будто скрежет и хрип одновременно, длившийся не больше секунды. «Хло-о-о», — примерно так это прозвучало для человеческого уха, если пытаться передать его буквами.

— Это ответ? — спросил Хейз с проблеском надежды в голосе.

— Не знаю, командер, — тихо ответила Танака. — Не похоже на осмысленную коммуникацию. Может быть, просто фоновое излучение их двигателей или систем сканирования. Мы засекли этот сигнал лишь однажды, больше он не повторялся.

Ортега смотрел на приближающиеся отметки на экране, и внутри у него нарастало ледяное предчувствие.

— Пост разведки, доложить курс и скорость целей, — потребовал он.

— Цели меняют курс! — почти выкрикнул Осей. — Идут на сближение атакующим вектором! Расчетное время достижения дистанции открытия огня — девяносто секунд!

Глава 7.

— Боевая тревога! Разгон к границе системы, максимальная тяга! — скомандовал Ортега, чувствуя, как остатки надежды на мирный исход тают в его груди. — Оружейный расчет, приготовиться открыть огонь по моей команде!

«Надежда» была разведывательным кораблем, а не боевым крейсером — но, как и все корабли Конфедерации, отправлявшиеся так далеко за пределы освоенного пространства, она несла достаточное вооружение, чтобы отбиться от пиратов или защититься от природных угроз: батарею рельсотронных орудий среднего калибра, способных пробить броню любого известного человечеству судна, и точечную лазерную оборону против ракет и мелких целей.

— Странно, капитан, — доложил старший канонир Павел Гриц с оружейного поста, — три объекта, о которых говорит разведка, по размерам значительно меньше «Надежды». Судя по сигнатуре — раза в три-четыре меньше. Если это боевые корабли, они не должны представлять серьезной угрозы для нас при такой малой численности.

— Не расслабляйтесь, — резко сказал Ортега. — Мы понятия не имеем, на что они способны. Приготовиться к бою.

Оставшиеся секунды тянулись невыносимо. А потом случилось то, чего никто на мостике не ожидал.

— Цели открыли огонь! — закричал Осей. — Дистанция — они еще не вошли в зону нашего эффективного огня, а они уже стреляют!

Три яркие вспышки на экране обозначили выпущенные снаряды — не ракеты в привычном понимании, а что-то похожее на плотные сгустки энергии, летящие с пугающей скоростью прямо к «Надежде».

— Твою мать, они стреляют с дистанции, недоступной для наших орудий! — выдохнул Гриц.

— Уклонение! — заорал Ортега, но было уже поздно.

Первый снаряд прошел мимо, разминувшись с кораблем на считанные сотни метров. Второй тоже промахнулся, оставив в пустоте лишь короткую вспышку разряженной энергии. Но третий ударил точно в правый борт, туда, где располагался ангарный отсек для челноков и разведывательных ботов.

Взрыв потрянул весь корабль. Ортега вцепился в подлокотники кресла, чувствуя, как палуба уходит из-под ног, а аварийное освещение на мостике вспыхивает красным.

— Доклад по повреждениям! — прокричал он сквозь вой сирен.

— Ангар номер два серьезно поврежден, — доложил бортинженер, глядя на россыпь аварийных индикаторов. — Разгерметизация, есть жертвы среди технического персонала. Три челнока уничтожены. Структурная целостность правого борта на семьдесят два процента.

Ортега сжал зубы. Один точный выстрел — и они уже потеряли часть своих малых кораблей и, вероятно, людей. Медлить больше было нельзя.

Глава 8.

— Огонь на поражение! — скомандовал Ортега. — Все орудия, цельтесь по ближайшему объекту!

«Надежда» содрогнулась, выпуская залп из своих рельсотронных орудий главного калибра — тяжелые вольфрамовые снаряды устремились к приближающимся вражеским кораблям с околосветовой скоростью.

На несколько секунд на мостике воцарилось напряженное ожидание.

— Попадание! — воскликнул Гриц, и в его голосе смешались облегчение и азарт. — Один из трех уничтожен, капитан! Прямое попадание в корпус, цель разрушена полностью!

На главном экране действительно расцвел короткий сгусток пламени и обломков — там, где секунду назад была одна из трех вражеских отметок.

— Отлично! — крикнул Хейз. — Значит, наши орудия мощнее их брони!

Но радость длилась недолго. Два оставшихся вражеских корабля, вместо того чтобы отступить после гибели товарища, начали серию резких, почти хаотичных маневров уклонения, одновременно продолжая сближаться и вести огонь — куда более частый, чем прежде.

— Они стреляют намного чаще нас! — доложил Гриц, вглядываясь в показания сенсоров. — Их орудия слабее наших по мощности одного попадания — судя по повреждениям от первого выстрела, их снаряды не пробивают нашу основную броню с одного раза. Но скорострельность и точность... капитан, они попадают почти каждым вторым выстрелом!

Действительно, серия из полудюжины новых попаданий обрушилась на корпус «Надежды» — не таких разрушительных, как первый удар по ангару, но методично снимающих слой за слоем защитную обшивку корабля.

— Держать курс к границе системы! — скомандовал Ортега. — Продолжать ответный огонь, целиться по ближайшей цели!

Бой превратился в жестокую какофонию залпов, попаданий и криков дежурных офицеров, докладывающих о нарастающих повреждениях. «Надежда» была кораблем-исследователем, а не боевым крейсером, и хотя ее орудия оказались достаточно мощными, чтобы одним попаданием уничтожить вражеский корабль, ее броня и системы защиты никогда не проектировались для затяжного боя против двух юрких, точных противников одновременно.

Глава 9.

— Капитан, — доложил бортинженер срывающимся голосом, — мы теряем скорость разгона. Один из вражеских снарядов повредил вспомогательный контур маршевых двигателей. Мы не сможем оторваться от противника на текущей траектории.

Ортега почувствовал, как холодная ясность обреченности начинает вытеснять из его сознания панику. Он посмотрел на тактическую голограмму, где два вражеских корабля неумолимо сокращали дистанцию, продолжая осыпать «Надежду» градом попаданий.

— Доктор Вебер на мостик, — коротко бросил он через интерком, хотя прекрасно понимал: даже если ксенолог поднимется сюда, разгадать природу и намерения нападающих за оставшиеся минуты она не сможет. Ему просто нужно было, чтобы хоть кто-то из гражданских специалистов был рядом в эти последние минуты — не по протоколу, а по какой-то человеческой потребности не быть одному среди военных решений, определяющих судьбу всего экипажа.

— Капитан, «Надежда» не уйдет от них, — тихо произнес Хейз, стоя рядом с креслом. Он произнес это не для доклада, а для того, чтобы Ортега услышал эти слова вслух и осознал их окончательность. — Их корабли быстрее наших маневровых возможностей. При текущих повреждениях мы не оторвемся.

Ортега кивнул медленно, почти незаметно. Он знал это уже минуту назад, но услышать подтверждение от старпома было почему-то необходимо — будто произнесенное вслух решение становилось от этого легче принять.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда будем действовать по протоколу.

Он достал из кармана кителя тот самый лист бумаги, что читал полчаса назад — целую вечность назад, в другой вселенной.

— Лейтенант Осей, — произнес он ровным, ледяным от контролируемого напряжения голосом, — сотрите все навигационные данные из основного банка памяти корабля. Полное уничтожение карт, маршрутных журналов, координат Земли и всех освоенных колоний. Немедленно.

На мостике повисла гнетущая тишина. Осей замер над консолью, глядя на капитана широко раскрытыми глазами.

— Капитан, — его голос дрогнул, — если мы сотрем навигационные данные... мы никогда не найдем дорогу домой.

— Я знаю, лейтенант, — ответил Ортега, и в его голосе не было ни капли колебания, хотя внутри у него что-то обрывалось при мысли о трех секундах голограммы, застывшей на столе в его каюте. — Но если эти данные попадут в руки врага, они получают прямой маршрут к Земле. Выполняйте приказ.

Пальцы Осея дрожали, но он подчинился. Через несколько секунд на его консоли замигал индикатор подтверждения: навигационная база данных «Надежды» — единственная запись двухлетнего пути через неизведанный космос — была стерта безвозвратно.

Глава 10.

— Бортинженер, подготовить корабль к самоуничтожению, — продолжил Ортега тем же ровным тоном, хотя каждое слово давалось ему все тяжелее. — Полная активация протокола, таймер на ручном управлении с моего кресла.

— Есть, капитан, — глухо ответил инженер, и в его голосе слышалось то же понимание неотвратимости, что охватило теперь весь мостик.

— Лейтенант Танака, подготовьте аварийный буй с полным пакетом данных о встрече. Обозначьте контакт как агрессивный. Приоритетная задача буя — достичь ближайшего ретранслятора связи Конфедерации любой ценой.

— Есть, капитан.

Танака работала быстро, ее пальцы летали по консоли, формируя компактный пакет данных: записи сенсоров о вражеских кораблях, характеристики их вооружения, весь ход боя, включая последние слова капитана. Буй представлял собой маленький автономный аппарат с собственным двигателем и криогенно замороженным ядром памяти — созданный именно для таких случаев, чтобы донести последнее слово погибающего корабля до дома.

— Буй готов к запуску, капитан.

— Запускайте.

Небольшой цилиндр отделился от корпуса «Надежды» и рванулся прочь на максимальном ускорении, унося с собой единственное свидетельство того, что здесь произошло — свидетельство, которое, как надеялся Ортега, однажды достигнет Земли и предупредит человечество о том, с чем оно только что столкнулось.

Тем временем оставшиеся два вражеских корабля, получившие несколько новых попаданий от продолжающих огонь орудий «Надежды», начали замедляться, их маневры стали менее агрессивными, будто повреждения все же сказались на их боеспособности.

— Капитан! — доложил Гриц. — Прямое попадание в двигательный отсек противника! Один из вражеских кораблей потерял ход! Второй тоже снизил скорость, вероятно, поврежден!

Но радость от этого известия оказалась короткой.

— Капитан, критическое повреждение главной двигательной установки! — почти одновременно закричал бортинженер. — Прямое попадание в реакторный отсек! Мы полностью потеряли ход!

«Надежда» замерла в пространстве, беспомощная, лишенная возможности маневрировать или бежать — огромный исполин, превращенный несколькими точными попаданиями в неподвижную мишень.

Глава 11.

Ортега оглядел мостик. Лица людей вокруг него были бледны, но собраны — экипаж «Надежды» состоял из профессионалов, прошедших строгий отбор для дальнего похода, и даже сейчас, на пороге гибели, никто не поддался панике.

— Прекратить огонь, — скомандовал он.

Хейз резко обернулся к нему. — Капитан?

— Прекратить огонь, — повторил Ортега. — Пусть думают, что мы полностью выведены из строя. Судя по их маневрам, они замедляются, а не отступают. Они идут на сближение для абордажа — хотят захватить корабль, а не уничтожить.

Действительно, оба поврежденных вражеских корабля, прекратив атаку, теперь медленно, осторожно приближались к неподвижной «Надежде» — так, как приближается хищник к обездвиженной, но еще не мертвой добыче.

— Они хотят нас захватить, — тихо произнес Хейз, и в его голосе смешались понимание и ужас. — Наш корабль. Наши технологии. Наших людей. И карты... Они надеются найти карты...

— Именно поэтому мы не должны им этого позволить, — ответил Ортега. Он положил руку на панель активации системы самоуничтожения, вмонтированную в подлокотник капитанского кресла — последнюю степень защиты, которую инженеры Конфедерации встраивали в каждый крупный корабль на случай захвата.

Он поднял голову и заговорил в интерком корабля, обращаясь ко всем пятистам душам, находящимся сейчас на борту «Надежды» — к тем, кого он вел в этот поход два долгих года.

— Говорит капитан. Все посты, слушайте меня внимательно. — Он сделал короткую паузу, собираясь с духом. — Мы столкнулись с враждебной внеземной цивилизацией. Первый контакт человечества оказался не таким, на какой мы все надеялись. Наш корабль не может спастись бегством. Но мы можем гарантировать, что ни наш корабль, ни наши технологии, ни данные о местоположении Солнечной системы не достанутся врагу. Через несколько минут я активирую систему самоуничтожения корабля, и мы заберем с собой в небытие тех, кто пришел нас захватить.

Он снова замолчал, глядя на приближающиеся на главном экране темные, угловатые силуэты вражеских кораблей — первые изображения инопланетной технологии, которые увидело человечество.

— Я хочу, чтобы каждый из вас знал: за два года этого похода я не встречал более достойного и профессионального экипажа. Мне выпала честь командовать вами, и сейчас, в эти последние минуты, я хочу сказать вам то, что должен был говорить чаще: я горжусь, что служил с вами. Спасибо вам всем. Да хранит Земля память о «Надежде».

На мостике повисла тишина, нарушаемая только тихими всхлипами кого-то из младших офицеров и ровным гулом умирающих систем корабля.

— Приготовиться, — произнес Ортега, глядя, как приближающиеся вражеские корабли входят в расчетную зону поражения взрыва. Его палец завис над активационной панелью.

В этот самый момент, когда пальцы капитана уже начали движение к финальной команде, шальной осколочный разряд от точечного орудия одного из приближающихся кораблей — то ли последний рефлекторный выстрел поврежденной системы наведения, то ли случайность — прошел сквозь ослабленную обшивку мостика и разорвался в близости от капитанского кресла.

Ортега не почувствовал боли — только внезапную вспышку белого света и ощущение падения в темноту. Его тело обмякло в кресле в тот самый момент, когда его палец уже завершал движение к активационной панели, замыкая цепь.

Автоматика командирского кресла, спроектированная инженерами Конфедерации с параноидальной тщательностью на случай именно такого исхода — потери сознания командующим офицером в критический момент, — среагировала за долю секунды: катапультирующий модуль под сиденьем сработал, выбрасывая бессознательное тело капитана в спасательной капсуле прочь от мостика, в направлении, противоположном приближающимся вражеским кораблям, за микросекунды до того, как уже запущенная последовательность самоуничтожения — необратимая, не требующая более никакого подтверждения — довела свой отсчет до нуля.

Никто на мостике не заметил исчезновения капитана в последние секунды всеобщего хаоса. Коммандер Хейз, вставший рядом с опустевшим креслом с твердым намерением разделить судьбу своего капитана и корабля, лишь на мгновение удивился произошедшему, но времени на раздумья уже не оставалось.

«Надежда» взорвалась ослепительной вспышкой термоядерного пламени, поглотившей собственный корпус вместе с двумя приближавшимися вражескими кораблями, находившимися уже в опасной близости для абордажа. Взрыв разметал обломки на тысячи километров, породив короткую, но невероятно яркую вспышку, видимую даже с орбиты Тау Кита-4.

Глава 12.

Энергия взрыва еще не успела до конца рассеяться, обломки трех кораблей еще продолжали разлетаться раскаленными искрами в холодной пустоте, когда на самой окраине системы, там, где гравитационные поля становились достаточно слабыми для безопасного выхода из гиперпространства, начало происходить нечто, что не заметил уже никто из живых свидетелей произошедшей битвы — потому что свидетелей больше не осталось.

Пространство исказилось, будто ткань самой реальности пошла рябью, и из этого искажения одна за другой начали появляться темные, угловатые тени кораблей — намного, в разы больше тех трех, что были уничтожены несколько минут назад. Сначала три. Потом десять. Потом пятьдесят. К тому моменту, когда искажение пространства наконец стабилизировалось, у самой границы системы Тау Кита висела армада, исчислявшаяся уже сотнями кораблей — молчаливая, невозмутимая, безразличная к разыгравшейся здесь трагедии.

Среди рассеивающихся обломков «Надежды» и двух ее уничтоженных противников медленно двигались несколько небольших ботов, выпущенных с ближайших кораблей армады — их сенсоры методично сканировали пространство, собирая всё, что могло представлять хоть какую-то ценность: обломки технологий, фрагменты данных, и — там, где спасательная капсула с бессознательным телом капитана Дэвида Ортеги медленно дрейфовала прочь от эпицентра взрыва, — потенциальный биологический материал.

Один из ботов изменил курс, направляясь к маленькой, почти невидимой на фоне звезд капсуле.

Так началась война, которой предстояло продлиться более двадцати лет.

Часть вторая.

Глава 1.

Три месяца спустя, за много световых лет от места гибели «Надежды», адмирал флота Земной Конфедерации Александр Долгин поднимался по широким ступеням главного здания штаба звездного флота — монументального сооружения из стекла и полированного титана, возвышавшегося на окраине древнего города Новосибирска, на азиатском континенте Земли.

Долгину было около пятидесяти. Высокий, поджарый, с коротко стриженными седеющими висками и глазами того холодного стального оттенка, что заставлял младших офицеров непроизвольно вытягиваться по струнке, даже когда он просто проходил мимо, ничего не говоря. За плечами у него была вся классическая карьера флотского офицера: военное училище, Академия флота, годы службы на эсминцах в качестве вахтенного офицера, затем годы дальних экспедиционных походов, командование крейсером «Ятаган», а после — переход в штаб, где его аналитический ум и требовательность оказались востребованы даже больше, чем боевой опыт.

Семьи у него не было. Был один недолгий брак в молодости, закончившийся разводом еще до того, как Долгин получил свое первое серьезное назначение — жена не выдержала бесконечных походов и еще более бесконечного молчания мужа, погруженного в работу даже дома. С тех пор, как шутили в штабе за его спиной (хотя никто не рискнул бы сказать это ему в лицо), Долгин был женат на флоте. Он не обиделся бы на эту шутку — она была правдой. Космос и служба заменили ему всё, что обычно ищут люди в личной жизни, и он не считал это трагедией. Он любил свою работу той редкой, всепоглощающей любовью, которая делает человека настоящим профессионалом своего дела.

В штабе Долгин отвечал за разведку в глубоком космосе и связь с дальними, недавно основанными колониями Конфедерации — должность, требовавшая одновременно стратегического мышления и способности мгновенно оценивать разрозненные, часто противоречивые данные, поступающие с окраин освоенного пространства.

Когда он проходил через главный вход, коммуникатор в его ухе тихо пискнул.

— Адмирал Долгин, — раздался голос дежурного офицера связи, — прошу прощения за раннее беспокойство. Зафиксирован пропуск очередного сеанса связи с кораблем класса «Первопроходец» «Надежда». Плановый сеанс должен был состояться шесть часов назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.